

Ю. В. Андреев*

РАННИЕ ФОРМЫ УРБАНИЗАЦИИ

Вопрос о происхождении и природе раннего города как особой формы человеческого общежития по существу может быть сведен к простой дилемме: что привело к рождению города — революция или эволюция, относительно быстрый переход из одного состояния в другое (т. е. от не-города, что бы мы под ним ни понимали, к городу) или же длительный процесс, разделенный на множество промежуточных этапов или стадий? Как известно, уже Г. Чайлд с его завоевавшей широкую популярность теорией «городской революции»¹ не был чужд некоторых сомнений и колебаний именно в этом ключевом пункте. Во всяком случае, он счел необходимым предупредить своих последователей, заметив как-то, что «городскую революцию невозможно представить так же, как и революцию индустриальную, в виде одного-единственного события. Скорее это был критический пункт в довольно длительном процессе»². По Чайлду, первые города возникли где-то на грани эпохи неолита и ранней бронзы. Зарождение металлургии было, в его понимании, одной из важнейших (если не самой важной) предпосылок ранней урбанизации³. Однако спустя короткое время после выхода в свет статьи Чайлда, в которой были сформулированы основные положения его теории⁴, известный американский социолог Л. Мамфорд счел возможным отодвинуть дату рождения первых городов куда-то в глубины эпохи неолита. Напомним, что к тому времени (декабрь 1958 г.), когда Мамфорд выступил с докладом на Чикагском симпозиуме, специально посвященном проблемам ранней урбанизации в странах Передней Азии⁵, в печати уже появились сообщения о таких значительных «неолитических городах», как палестинский Иерихон и анатолийский Хаджилар. В своей обычной парадоксальной манере Мамфорд опровергал в этом же докладе чайлдовскую теорию «городской революции»⁶:

* Редколлегия ВДИ приглашает авторов и читателей журнала принять участие в обсуждении проблем, затронутых в статье Ю. В. Андреева.

¹ Различные оценки этой теории см. в работах: *Adams R. M. The Evolution of Urban Society. Early Mesopotamia and Prehispanic Mexico. Chicago, 1966, p. 18; Daniell G. The First Civilizations. The Archaeology of Their Origins. L., 1968, p. 26; Berger P. A. Herrschaftsform Stadt. Eine soziologische Rekonstruktion der Stadtgeschichte im Altertum. München, 1983, S. 103 f.; Массон В. М. Типология древних городов и исторический процесс. — В кн.: Древние города. Л., 1977, с. 7.*

² *Childe V. C. The Prehistory of European Society. Harmondsworth, 1958, p. 53.*

³ *Ibid.*, p. 78 ff.

⁴ *Childe V. C. The Urban Revolution. — Town Planning Review, 1950, 21.*

⁵ *Mumford L. Concluding Address. — In: City Invincible. A Symposium on Urbanization and Cultural Development in the Ancient Near East. Ed. by Kraeling C. H. and Adams R. M. Chicago, 1960.*

⁶ *Ibid.*, p. 232.

«Революция означает, что все переворачивается вверх дном и прошлое остается позади. Но город ничего не оставлял позади себя. Напротив, все более и более вещи (уже существующие) собирались и сохранялись здесь. Именно в тесных городских кварталах люди, представлявшие палеолитическую и неолитическую культуры, собрались вместе с тем, чтобы воздействовать и влиять друг на друга». Если Чайлд тщательно отобрал и рассортировал свои известные десять признаков настоящего города⁷, то Мамфорд решил, по крайней мере, для начала ограничиться всего двумя: по его словам, ранний город (правда, он осторожно называет его здесь «proto-city») мог отличаться от деревни лишь своими размерами и числом жителей, хотя при этом он непременно должен был выполнять функции религиозного центра, чем собственно и объясняется, по Мамфорду, концентрация населения в поселениях именно этого типа⁸.

Таким образом, еще в 50-х годах определились два основных «камня преткновения» в продолжающейся до сих пор дискуссии о происхождении и характере первых городов: проблема «точки отсчета», т. е. вопрос о том, с какого момента следует начинать историю города⁹, и тесно связанная с первой проблема критериев, с помощью которых можно отличить город от предшествующего ему не-города. Дискуссия эта еще и сейчас далека от своего благополучного завершения, о чем свидетельствуют довольно обычные даже в новейшей литературе терминологическая путаница и подмена понятий, благодаря которым возникают всевозможные исторические парадоксы и курьезы вроде уже упоминавшихся «неолитических городов»¹⁰ или «городов», в которых, по признанию самих описывающих их авторов, подавляющую массу населения составляли крестьяне-земледельцы, как это было, например, в крупнейших поселениях древних майя или йорубов¹¹. В основе заблуждений такого рода лежит, как нам думается, субъективная неспособность или, может быть, нежелание мысленно охватить всю огромную временную протяженность процесса градообразования или, если выразиться несколько иначе, ту колоссальную историческую дистанцию, которая отделяет город в собственном значении этого слова от всевозможных его предшественников, прототипов, ранних эмбриональных форм, внешне с ним схожих, но по существу еще не имеющих права так называться. Возможно, уже сейчас следовало бы, учитывая их морфологическое и отчасти также функциональное сходство с собственно городом, ввести в употребление некое охватывающее все эти формы обозначение, на-

⁷ *Childe*. The Urban Revolution, p. 11 ff.

⁸ *Mumford*. Op. cit., p. 226, 230, 237.

⁹ На реально существующую опасность «беспредельного расширения хронологических и пространственных рамок процессов урбанизации» в свое время совершенно оправданно указывал В. М. Массон [Первые города (К проблеме формирования городов в среде раннеземледельческих культур).— В кн.: Новейшие открытия советских археологов. Киев, 1975, с. 12].

¹⁰ *Мелларт Дж.* Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982, с. 83 слл.; *Брентнес Б.* От Шанидара до Аккада. М., 1976, с. 60 слл.; *Глазичев В. Л.* И заложил город ...— Знание — сила, 1980, № 11, с. 27. Ср. *Hammond M.* The City in the Ancient World. Cambr. Mass., 1972, p. 18, 98, 151; *Berger*. Op. cit., S. 109 f.; *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ (В свете данных археологии). Л., 1977, с. 139 слл.

¹¹ *Гуляев В. И.* Забытые города майя. М., 1984, с. 40; *Кочакова Н. Б.* Города-государства йорубов. М., 1968, с. 65 слл. Ср. *Trigger B. G.* Determinants of Urban Growth in Pre-industrial Societies.— In: *Man, Settlement and Urbanism*. Ed. by Ucko P. J., Tringham R. and Dimbleby G. W. L., 1972, p. 577.

пример «урбаноморфные» или «урбанизированные поселения»¹², разделив сообразно с этим сам процесс урбанизации на два основных этапа (или, может быть, типа). Историческое содержание одного из них можно было бы свести к вызреванию различных архетипов или прототипов города. Во всяком случае, традиционное представление о непосредственном перерастании деревни в город, следствием чего было возникновение извечной противоположности этих двух типов поселений, сейчас воспринимается как сильно устаревшее и грубо упрощающее реальный ход событий¹³.

Уже а priori, т. е. до ознакомления с конкретным историческим материалом, представляется маловероятным, чтобы город как особый тип поселения и вместе с тем особого рода социальный организм, не только не исчезающий, но, напротив, достигающий своего наивысшего расцвета в условиях современной индустриальной цивилизации, мог возникнуть и утвердиться в результате одного сравнительно короткого скачка еще в ту пору, когда только зарождались древнейшие из всех известных нам классовых обществ. Логичнее было бы предположить, что, подобно другим универсальным историческим категориям, таким, как государство, классы, частная собственность и т. п., город прошел весьма длительный путь развития, прежде чем стал самим собой не только номинально, но и субстанциально. На этом пути неизбежно должны были возникать многообразные промежуточные или гибридные формы поселений, соединяющие в себе признаки города с признаками его диалектической противоположности — первобытного не-города. В связи с этим уместно напомнить, что даже и в одной более или менее ограниченной исторической плоскости, возьмем ли мы современную индустриальную эру или же предшествующую ей эпоху средневековья, всегда бывает трудно провести четкую разграничительную линию между городом и противостоящей ему деревней. На разделяющей их «ничейной земле» обычно обнаруживаются некие комбинации этих двух «идеальных типов», не совпадающие в полной мере ни с одним из них¹⁴. Эта размытость границ, разделяющих понятие города и деревни в их конкретно-исторической (не теоретической) данности, так или иначе отражена во многих языках мира, как современных, так и более древних (ср. русск. «город — городок — деревня», англ. «city — town — village» и т. п.).

Признание географической реальности категории «города-деревни» (некоторые немецкие авторы пытаются выразить ее посредством сдвоенных терминов: *Stadtdorf*, *Ackerburg* и т. п.)¹⁵ неизбежно влечет за собой признание также и исторической ее реальности в качестве не просто одного из звеньев в эволюционной цепи становления городского уклада жизни, но весьма длительного переходного состояния, в сущности составляющего целую историческую эпоху. Само это состояние мы можем представить себе как процесс постепенного накопления собственно урбанистических качеств

¹² Попытки разработки такого рода новой терминологии уже предпринимались некоторыми западными историками, хотя в отдельных случаях они ведут к прямому отказу от употребления самого термина «город» и соответствующего ему понятия (см., например, *Andersson H. Urbanisierte Ortschaften und lateinische Terminologie. Studien zur Geschichte des nordeuropäischen Städtewesens vor 1350.* — *Acta regiae societatis scientiarum et literarum Gothoburgensis, Humaniora*, 6, Gotheborg, 1971, S. 39; *Vittinghoff P. Urbanisation als Phänomen der Antike.* — *Reports of the XIVth International Congress of the Historical Sciences.* N. Y., 1977, S. 575.

¹³ Ср. *Berger. Op. cit.*, S. 111 f.

¹⁴ *Ennen E. Frühgeschichte der europäischen Stadt.* Bonn, 1953, S. 22; *Wheatly P. The Concept of Urbanism.* — In: *Man, Settlement and Urbanism*, p. 604; *Grundmann S. Die Stadt.* B., 1984. S. 86.

¹⁵ *Ennen. Op. cit.*, S. 21.

и признаков или, что то же самое, как постепенное повышение уровня урбанизации в рамках некоего до поры, до времени нерасчлененного единства противоположностей, т. е. в данном случае города и деревни¹⁶. Само собой разумеется, что рано или поздно этот процесс должен был привести к окончательному размежеванию города и деревни в качестве двух резко различающихся типов поселения. Весь вопрос как раз в том и состоит, когда такое размежевание могло произойти.

Историческая специфика города заключается в том, что он является поселением в полном смысле этого слова полифункциональным¹⁷, что собственно и обеспечивает ему с самого момента его возникновения то доминирующее положение, которое он занимает среди всех прочих поселений (деревень или поселков), выполняющих, как правило, не более одной-двух функций одновременно. Разумеется, сам набор функций, отличающих город от не-города, нельзя рассматривать просто как некую механическую сумму признаков, не меняющуюся сколько-нибудь существенно от перемены мест составляющих ее слагаемых¹⁸. В этом наборе обязательно должен быть выделен какой-то один, можно сказать, сущностный признак, являющийся, по определению Г. А. Кошеленко¹⁹, «структурообразующим элементом, определяющим главное в характере города». В противном случае мы можем очень легко оказаться в положении тех не столь уж немногочисленных авторов, которые вообще отрицают возможность выработки единого, одинаково пригодного для всех исторических эпох, стран и народов определения самой категории города²⁰. Конечно, можно еще долго спорить о том, что же считать этим наиболее важным или сущностным признаком города (одно перечисление мнений, уже высказанных по этому вопросу, вероятно, заняло бы не один десяток страниц). Тем не менее, ориентируясь на известные высказывания классиков марксизма²¹, а также на некоторые, на наш взгляд, достаточно авторитетные суждения их современных интерпретаторов²², мы можем сейчас определить город в самом широком значении этого слова, прежде всего как устойчивую полифункциональную форму территориальной консолидации гетерогенного населения, непосредственно не занятого в сфере сельскохозяйственного производства²³. Необходимо иметь в виду, что этот главный сущностный при-

¹⁶ Ср. *Mumford*. Op. cit., p. 228.

¹⁷ *Trigger*. Op. cit., p. 577, 592.

¹⁸ В таком механистическом подходе к пониманию природы города справедливо обвиняли Г. Чайлда некоторые из его оппонентов (см., например, *Adams*. Op. cit., p. 11 f.; *Wheatley*. Op. cit., p. 611 f.).

¹⁹ *Кошеленко Г. А.* Греческий полис и проблемы развития экономики.— В кн.: *Античная Греция*. Т. I. М., 1983, с. 220.

²⁰ Против тенденций такого рода вполне оправданно выступает О. Г. Большаков (Средневековый город Ближнего Востока. VIII — середина XIII в. М., 1984; см. ссылки на работы, в которых эти тенденции проявились наиболее отчетливо).

²¹ См. в особенности *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 49 сл.; т. 21, с. 163.

²² См. *Кошеленко*. Ук. соч., с. 222 сл. со ссылками на более раннюю литературу.

²³ Мы сознательно выбираем здесь эту достаточно широкую формулировку, привлекая во внимание, что «население, непосредственно не занятое в сфере сельскохозяйственного производства», может означать и людей, занимающихся различными видами сельскохозяйственного труда, т. е. ремесленников, рабочих, торговцев и т. п., и людей, вообще не причастных к материальному производству, т. е. представителей господствующих классов, обслуживающий их персонал из рабов и свободных, интеллигенцию, представителей государственной администрации, военных, священнослужителей, наконец, люмпен-пролетариат (*Sjoberg G.* *The Origin and Evolution of Cities*.—*Scientific American*, 1978, 20, p. 56). Заметим попутно, что в древности, в особенности в странах античного мира, эта вторая категория городского населения численно нередко лишь немногим уступала первой или даже превосходила ее.

знак города обычно проявляется в достаточно ясно выраженной форме, предполагающей окончательно определившуюся дихотомию города и деревни как двух антагонистически противоположных типов поселения лишь на сравнительно поздних стадиях развития основных общественных формаций древнего мира, но никак не в момент их зарождения в начале бронзового века²⁴. Следовательно, в данный момент наша задача заключается в том, чтобы попытаться наметить хотя бы самую общую, во многом, конечно, лишь предварительную, еще нуждающуюся в дальнейшей доработке и уточнениях схему начальных этапов процесса урбанизации, предшествующих возникновению собственно города²⁵.

Наиболее ранний из этих этапов и соответствующий ему тип поселения может быть обозначен условным термином «квазигород»²⁶. Под квазигородом мы подразумеваем земледельческое поселение (или, по сути дела, деревню), обладающее некоторыми чисто внешними признаками, которые сближают его с городом²⁷. Такими признаками могут считаться: 1) наличие более или менее массивных оборонительных сооружений; 2) компактная застройка всей площади поселения, при которой почти не остается места для садов и приусадебных участков, как в обычных деревнях, хотя могут существовать специальные загоны для скота; 3) более или менее правильная планировка нередко с ясно выраженной сеткой кварталов и улиц; 4) наличие элементов коммунального благоустройства, например вымостки улиц, колодцев, дренажных стоков и т. п.; 5) более или менее благоустроенные жилища, отличающиеся от обычных деревенских хижин в чисто архитектурном плане и по уровню бытового комфорта; 6) наличие более или менее ясно выраженного ритуального центра в виде открытой церемониальной площадки или закрытого святилища, или, наконец, комбинации того и другого. Из этих шести признаков, выделяющих квазигород среди

²⁴ В противном случае мы должны были бы зачислить в разряд «городов», как это, впрочем, обычно и делается, множество относительно крупных поселений, в которых люди, занятые обработкой земли и другими видами сельского труда, составляли подавляющее большинство или, во всяком случае, весьма значительную часть населения (*Hammond. Op. cit.*, p. 3; *Trigger. Op. cit.*, p. 577; *Berger. Op. cit.*, S. 110 f.; *Grundmann. Op. cit.*, S. 83 ff.; *Сайко Э. В.* Становление города как производственного центра. Душанбе, 1973, с. 17). Многие авторы склонны думать, что ни древний Восток, ни даже античный мир никогда не знали настоящего антагонизма между городом и деревней или же узнали его лишь в сравнительно позднее время. См.: *Оппенгейм А. Л.* Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. М., 1980, с. 111; *Humphreys S. C.* Town and Country in Ancient Greece.— In: *Man, Settlement and Urbanism*, p. 766; *Штаерман Е. М.* Эволюция античной формы собственности и античного города.— ВВ, 34, 1973, с. 7; *Андреев В. Н.* Аграрные отношения в Аттике в V—IV вв. до н. э.— В кн.: *Античная Греция*. Т. I. М., 1983, с. 275. Ср. *Дьяконов И. М.* Проблемы вавилонского города II тыс.— В кн.: *Древний Восток. Города и торговля* (III—I тыс. до н. э.). Ереван, 1973, с. 32 сл.; *Кошелевко*. Ук. соч., с. 222, 245.

²⁵ Ср. *Redman Ch. L.* The Rise of Civilization. San Francisco, 1978, p. 182 ff., 202, 221.

²⁶ Ср. *Sjoberg. Op. cit.*, p. 56, 58.

²⁷ В известном смысле аналогом квазигорода можно считать географически гораздо шире распространенное городище, в котором некоторые авторы видят особую форму первобытного поселения, из которого или на основе которого непосредственно вырастает город (см., например, *Саваренская Т. Ф.* История градостроительного искусства. М., 1984, с. 7). Понятия эти, однако, нельзя расценивать как вполне тождественные друг другу, поскольку они принадлежат к двум разным таксономическим рядам. Городище представляет собой особый род археологических памятников, которым в конкретной исторической действительности могли соответствовать самые разнообразные виды и формы поселений: укрепленные земледельческие поселки, т. е. квазигорода, общинные и племенные убежища, резиденции племенных вождей (примитивные замки), наконец, протогорода и ранние города (ср. *Filip J.* *Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas*. Bd. 2. Prag, 1969, S. 969 f.).

всех других видов и форм первобытных земледельческих поселений совершенно обязательными должны быть признаны лишь два: второй и пятый. Все остальные в зависимости от конкретных условий, места и времени могут либо появляться, либо исчезать. Как показывает практика, уже несколько десятков двух- и трехэтажных домов, компактно сгруппированных на небольшом пространстве, бывает вполне достаточно для того, чтобы такое поселение могло произвести на непредубежденного путешественника, впервые увидевшего его со стороны, или на производящего раскопки археолога впечатление настоящего, хотя и небольшого города ²⁸.

Исторически квазигород представляет собой весьма устойчивую форму человеческого общежития, без сколько-нибудь существенных изменений переходящую (там, где для этого существуют благоприятные условия) из одной эпохи в другую ²⁹. В сущности, если вдуматься, не столь уж велика разница между такими его разновидностями, разделенными огромными, исчисляемыми тысячелетиями хронологическими промежутками, как, например, неолитические поселения Анатолии Чатал Гююк и Хаджилар, с одной стороны, и многие деревни, существовавшие на той же территории в эпоху римского, византийского и затем османского владычества, с другой. Во многом такая жизнеспособность квазигорода объясняется его идеальной приспособленностью к определенному рода естественной среде, характерной в основном для гористых и засушливых районов Передней и Центральной Азии, Кавказа, Средиземноморья, Северной Африки и Центральной Америки. Во всех этих регионах основными факторами, определявшими выбор места для поселения, его характер и структуру, во все времена оставались крайняя изрезанность рельефа, ограниченность пригодных для обработки земельных массивов, большие природные запасы камня и глины при сравнительном дефиците строительного леса и, наконец, сравнительная редкость источников питьевой воды. Все эти обстоятельства, несомненно, способствовали широкому распространению квазигорода в пределах обширной географической зоны, простирающейся от Испании и Марокко на западе до Тибета и Непала на востоке ³⁰. Повсюду на этой территории мы встречаем практически один и тот же тип поселения (хотя, разумеется, в весьма многообразных его вариантах), характеризующийся чрезвычайно плотной застройкой, тенденцией к развитию жилого массива скорее в вертикальном, чем в горизонтальном, направлении (преобладание так называемых «башенных жилищ»), особой заботой о неприступности поселения ³¹.

Разумеется, необходимо учитывать не только экологическую, но и социальную, а также экономическую обусловленность важнейших специфических особенностей квазигорода. Одной из главных предпосылок возникновения этой формы поселения следует считать переход от охоты и собирательства к оседлоземледельческому образу жизни, с чем обычно связывается резкое увеличение плотности населения и его концентрация

²⁸ Классическим примером квазигорода могут считаться мексиканские пуэбло. Американский археолог Роув относит их к особой категории «поселений городского типа» (urban settlements), видя их главное отличие от собственно города в том, что основную массу их населения составляли охотники, рыболовы, земледельцы и скотоводы (цит. по: *Wheatly*. Op. cit., p. 613).

²⁹ Ср. *Myres J. L. Mediterranean Culture*. Cambr., 1944; *Ennen*. Op. cit., S. 24 f.

³⁰ Эта зона дает наиболее впечатляющие и вместе с тем исторически наиболее устойчивые образцы поселений квазигородского типа, хотя отдельные их экземпляры и даже целые «гнезда» можно встретить и далеко за ее пределами. Едва ли не самым северным из поселений этого рода может считаться знаменитая Скара Бра на одном из полуостровов Оркнейского архипелага у берегов Шотландии.

³¹ *Джандиери М. И., Лежава Г. И.* Народная башенная архитектура. М., 1976.

в пунктах, наиболее благоприятных с хозяйственной точки зрения³². Уже на ранних стадиях эпохи неолита появляются поселения квазигородского типа, которые и по занимаемой ими площади, и, видимо, по численности населения превосходят даже некоторые из так называемых «городов» более позднего времени³³. Примером может служить уже упоминавшийся Чатал Гюйюк в Анатолии, площадь которого составляла около 13 га³⁴. Судя по всему, квазигород возникает еще в условиях вполне жизнеспособного первобытнообщинного строя, и если в дальнейшем продолжает существовать как особый вид поселения также и в некоторых классовых обществах, то лишь в тех, где традиции первобытной эпохи были особенно сильны и где сохранялся особенно мощный слой свободного или полусвободного крестьянства. По своей социальной природе квазигород может быть квалифицирован как поселение земледельческой общины, внутренне еще очень слабо дифференцированной. Типичная для поселений этого рода стандартность жилой застройки, отсутствие построек, которые могли бы быть отнесены к разделу «особняков», «вилл» или «господских домов», свидетельствуют о принципиальной социальной однородности занимающих их коллективов. Конечно, с течением времени в этой изначально однородной и неподвижной социальной среде должны были происходить определенные изменения, появлялись зачаточные формы имущественной стратификации и хозяйственной специализации. Однако среди основной массы общинников еще очень долго продолжали сохранять свою силу традиции первобытной солидарности и равенства. Для подавляющего их большинства основным способом жизнеобеспечения оставалось примитивное сельское хозяйство. Возникавшие в отдельных семьях зачатки ремесленной специализации, как правило, не поднимались выше уровня подсобных промыслов или же так называемого «общинного ремесла»³⁵. Всем этим, собственно говоря, и обеспечивалось длительное выживание квазигорода в качестве особой формы поселения.

Промежуточное положение между квазигородом и собственно городом занимает еще один специфический тип поселения, который мы предложили бы обозначить также в достаточной степени условно термином «протогород». Термин этот давно и теперь уже достаточно широко используется в научной литературе, варьируясь с такими словосочетаниями, как «ранний город», «первый город» и т. п., без сколько-нибудь четкого смыслового разграничения между ними. Обычно под протогородом понимается некая зачаточная форма собственно города, отличающаяся от его более зрелых, окончательно определившихся форм не столько качественно, сколько количественно, по степени выраженности в общем одних и тех же признаков или в более редких случаях по полноте их «ассортимента»³⁶. Нам кажется, однако, что протогород был в значительной мере явлением *sui generis* со своими специфическими особенностями, отличающими его в равной степени и от предшествующего ему квазигорода, и от сменявшего его собственно города. Исторически протогород как особый переходный тип поселения соответствует эпохе классового образования и становления государства (поли-

³² Массон В. М. Алтын-Дене. Л., 1981, с. 119 сл.

³³ Ср. Redman. Op. cit., p. 206 ff., 215.

³⁴ Мелларт. Ук. соч., с. 83.

³⁵ Массон В. М. Ремесленное производство в эпоху первобытного строя. — ВИ, 1972, № 3, с. 10 слл.; он же. Экономика ..., с. 62 слл.; Сайко. Ук. соч., с. 69.

³⁶ Mumford. Op. cit., p. 230 f.; Hammond. Op. cit., p. 151; Renfrew C. The Emergence of Civilization. The Cyclades and the Aegean in the Third Mill. B. C. L., 1972, p. 402; Массон. Алтын-Дене, с. 108, 119.

тогенеза), хотя во многих районах древнего мира он продолжает существовать также и на стадии раннеклассовых общественных формаций вплоть до их окончательного изживания. Основными предпосылками его зарождения могут считаться: 1) относительно высокий уровень развития общественного производства, в особенности сельского хозяйства, обеспечивающий появление прибавочного продукта и создающий условия для его концентрации в определенных местах; 2) далеко продвинувшаяся социальная стратификация общества по имущественному и статусному признакам; 3) политическая интеграция первоначально обособленных земледельческих общин и образование хотя бы примитивного государственного аппарата; 4) развитая специализация (профессионализм) в ремесле, военном деле, культовой практике и т. п.

В отличие от квазигорода, являвшегося, по крайней мере, в своей первоначальной форме поселением изолированной общины, протогород уже с самого начала выступает в роли объединяющего (интегрирующего) центра целого района или округа, занимая главенствующее положение внутри в одних случаях сравнительно простой, в других же весьма сложной иерархии поселений. Уже на ранних стадиях своего развития протогород создает вокруг себя своего рода «силовое поле», распространяя свое влияние на все окружающие его поселения и удерживая их под своим контролем³⁷. Так происходит потому, что в отличие от рядовых поселений сельского или квазигородского типа, выполняющих в рамках такой иерархии, как правило, простейшие чисто производственные функции, протогород даже и в наиболее примитивной (первичной) своей форме способен выполнять уже и иные, иногда довольно сложные задачи экономического, социального, политического, военного и идеологического характера, причем с течением времени число этих задач все более увеличивается³⁸. Этому многообразию функций, выполняемых протогородом в пределах возглавляемой им иерархии поселений, обычно соответствует и многообразие (гетерогенность) его населения. Оно намного сложнее, разнороднее по своему социальному, профессиональному и этническому составу, чем население любого, даже самого крупного квазигорода. Естественно, что чем больше сам протогород и чем более важное место занимает он в общей системе поселений того или иного района или государства, тем сложнее выполняемые им общественные функции и тем сложнее и разнообразнее состав его населения.

Как поселение с ярко выраженными признаками экономического, политического и идеологического центра определенного округа, района или даже целого государства протогород, несомненно, стоит в том же типологическом ряду, что и собственно город. Неудивительно, что их постоянно смешивают друг с другом, хотя в действительности они представляют собой две сильно различающиеся исторические категории. Даже в своих наиболее зрелых, можно сказать, классических формах, обладающих наиболее

³⁷ В их простейшей форме такого рода системы расселения засвидетельствованы, с одной стороны, археологически для Южного Двуречья и Туркмении (*Adams R. M., Nissen H. J. The Uruk Countryside. The Natural Setting of Urban Societies. Chicago — London. 1972, p. 18; Adams R. M. Patterns of Urbanization in Early Southern Mesopotamia. — In: Man, Settlement and Urbanism, p. 742; История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. I. Месопотамия. М., 1983, с. 107 слл.; Массон. Экономика..., с. 142 сл.), с другой — этнографически для некоторых районов тропической Африки (Община в Африке). Проблемы типологии. М., 1978, с. 232 сл.).*

³⁸ Ср. *Trigger. Op. cit., p. 579 ff.; Массон. Типология древних городов..., с. 6; он же. Формирование раннеклассового общества и вопросы типологии древних цивилизаций. — В кн.: Древний Восток и античный мир. М., 1980, с. 23 сл.*

полным набором урбанистических признаков, протогород все же остается особым, еще достаточно архаичным типом поселения, не тождественным городу в самом точном значении этого слова. Важнейшая специфическая особенность протогорода, отличающая его от собственно города, заключается в том, что, несмотря на отмеченную выше гетерогенность его населения, его основную массу составляли, как правило, крестьяне-земледельцы, сохранившие при переселении в город свои права членов поземельной общины и, что особенно важно, свою землю и основной род занятий — земледелие и скотоводство³⁹. Таким образом, формально став «горожанином», крестьянин переносил в новую среду обитания свой хозяйственный и житейский уклад, подвергшийся лишь незначительным изменениям в результате неизбежного приспособления к этой среде.

Классическим примером таких крупных аггломераций земледельческого населения могут служить так называемые «города» древнего Шумера, по крайней мере, в той их форме, в которой они возникли и существовали еще на заре истории Двуречья в IV—III тыс. до н. э. Как признают такие авторитетные исследователи шумерской цивилизации, как Франкфорт, Эдэмс, Оппенхейм⁴⁰, подавляющее большинство их обитателей было так или иначе занято в сфере сельскохозяйственного производства⁴¹. Сейчас довольно трудно понять, что заставляло древних земледельцев Южного Двуречья бросать насиженные места в каких-нибудь хуторах или деревушках и перебираться в огромные человеческие скопища типа Урука или Лагаша, жертвуя привычками и даже удобствами, связанными с нормальной сельской жизнью. Не исключено, что во многих случаях это переселение крестьян в так называемые «города» осуществлялось принудительно, не столько ради них самих, ради их удобств и житейских потребностей, сколько в интересах государства, стремившегося держать под своим контролем максимум рабочей силы, не давать ей распыляться в пространстве, а главное, не уступать ее (так же как и обрабатываемую ею землю) другим враждебным государствам. Создается впечатление, что только такого рода стимулы могли вызвать к жизни такие на первый взгляд противоестественно огромные скопления земледельческого населения, какими были «первые города» Шумера⁴². Вероятно, именно постоянная напряженность, существовавшая между расположенными в близком соседстве номовыми государствами, создавала в этой части Двуречья эффект, подобный действию двух электродов, погруженных в ванну с раствором, и стимулировала рост поселений протогородского типа. Напомним для сравнения, что

³⁹ Применительно к «ранним городам» эта особенность была отмечена уже Г. Чайлдом (*The Urban Revolution*, p. 11; *Чайлд Г.* Древний Восток в свете новых раскопок. М., 1956, с. 255; см. также *Berger*. *Op. cit.*, S. 114).

⁴⁰ *Frankfort H.* *The Birth of Civilization in the Near East*. L., 1951, p. 57 f.; *Adams*. *Patterns of Urbanisation...*, p. 739, 743 f.; *Oppenheim*. Ук. соч., с. 113 сл.

⁴¹ К тому же мнению склоняется, судя по всему, и И. М. Дьяконов, который в своем очерке о Двуречье протошумерского периода берет в кавычки сам термин «город» (*История древнего Востока*, ч. I, с. 139).

⁴² Такой крупный авторитет в области археологии Двуречья, как Р. Эдэмс, обращает внимание на «в сущности искусственный характер ранних месопотамских городов, по крайней мере, с социально-экономической точки зрения». По его словам, «это были своего рода славы, созданные специально для того, чтобы увеличить экономическое благосостояние, а также наступательную и оборонительную мощь очень небольшого политически сознательного верхнего слоя ... большая часть населения была привязана к городу только в различающихся степенях принуждения, была лишь косвенно затронута многими наиболее характерными городскими институтами и лишь с известным преувеличением может быть охарактеризована как существенно урбанизованная в своих взглядах на жизнь» (*Adams*. *Patterns of Urbanization...*, p. 743; см. также: *История древнего Востока*, ч. I, с. 139).

в Египте, где очень рано сложилось единое централизованное государство в масштабе целого речного бассейна, протогородские центры то ли так и не вышли из полуэмбрионального состояния, то ли, будучи лишенными достаточно четких контуров, заметно сливались с окружающей их сельской местностью⁴³.

Едва ли существенно иными были пути, по которым шел процесс градообразования также и в других частях древней ойкумены. Даже в государствах античного мира поселения протогородского типа, т. е. с преимущественно крестьянским населением, в течение достаточно долгого времени занимали доминирующее положение. Именно так можно понять известное высказывание К. Маркса в «Формах, предшествующих капиталистическому производству»⁴⁴: «История классической древности — это история городов, но городов, основанных на земельной собственности и на земледелии». Так же и Ф. Энгельс называл республиканский Рим «крестьянским городом»⁴⁵. Еще в сравнительно недавние исторические периоды «города» с преимущественно земледельческим населением, т. е. в сущности опять-таки протогорода, были известны в ряде районов Мезоамерики и Центральной Африки («города» майя и ацтеков, «города» йорубов и пр.)⁴⁶.

Все эти примеры достаточно ясно показывают, что где бы и в каких конкретных условиях ни возникал протогород, его основным конституирующим (градообразующим) элементом всегда оставалось крестьянство, организованное в поземельные и большесемейные общины⁴⁷. Иначе говоря, тот тип поселения, который мы привыкли называть «ранним городом», в действительности представлял собой специфическую форму территориальной консолидации земледельческого населения. Такая консолидация или то, что греки называли «синойкизмом», могла происходить как спонтанно в силу внутренней потребности первичных сельских общин в политическом сплочении (чаще всего в целях совместной самозащиты), так и искусственно, под нажимом высшей государственной власти. Чаще всего (особенно на Востоке) основным ядром, вокруг которого формировался протогород, было наиболее почитаемое в данной местности святилище, что дает основание ряду авторов говорить об особой интегрирующей роли религиозных центров на начальных фазах процесса градообразования⁴⁸. Однако как бы ни протекал и какие бы формы ни принимал сам этот процесс, в то время он еще не мог привести к четкому территориальному размежеванию двух основных групп производящего населения: наиболее многочисленной группы, занятой в сфере сельского хозяйства, и менее многочисленной группы, находящейся вне этой сферы. Следовательно, здесь не могла еще возникнуть сколько-нибудь ясно выраженная противоположность между городом и деревней. Оба эти типа поселения пока еще составляли единое целое, которое мы и называем «протогородом»⁴⁹.

⁴³ Wilson J. A. Civilization Without Cities.— In: City Invincible, p. 124 ff.; Hawkes J., Wooley L. History of Mankind. Cultural and Scientific Development. V. I. L., 1964, с. 417; Hammond. Op. cit., p. 76. Ср. Kemp B. J. Temple and Town in Ancient Egypt.— In: Man, Settlement and Urbanism; Сагаренская. Ук. соч., с. 12 слл.

⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 470.

⁴⁵ Там же, т. 20, с. 164, 647.

⁴⁶ Trigger. Op. cit., p. 577; Гуляев. Ук. соч., с. 40 слл.; Кочакова. Ук. соч., с. 45 слл.; Община в Африке, с. 232 слл.

⁴⁷ Массон. Экономика ..., с. 142 сл.

⁴⁸ Mumford. Op. cit., p. 226, 230, 237; Adams. The Evolution of Urban Society, p. 121, 125 ff.; Hammond. Op. cit., p. 38; Berger. Op. cit., S. 128 f.; Оппенгейм. Ук. соч., с. 113 сл.

⁴⁹ Небольшие земледельческие поселки, деревни и хутора, составлявшие в совокупности то, что весьма условно может быть названо «сельской периферией» протого-

В связи с этим следует обратить внимание также и еще на одно немаловажное обстоятельство: в раннеклассовых обществах, с которыми обычно связывается весь комплекс представлений о так называемой «городской революции», процесс отделения ремесла и торговли от сельского хозяйства, в которой основоположники марксистской исторической науки видели первооснову антагонизма города и деревни⁵⁰, протекал по большей части чрезвычайно замедленными темпами. Об этом свидетельствует целый ряд характерных фактов. В раннединастическом Шумере, так же как и в некоторых других государствах древней Передней Азии, даже высококвалифицированные ремесленники, занятые в храмовых и дворцовых хозяйствах, получали за свою работу земельные наделы и, следовательно, должны были в той или иной степени заниматься хлебопашеством, садоводством и т. п. видами сельского труда. Как справедливо заметил по этому поводу И. М. Дьяконов⁵¹, «говоря о разделении труда между ремеслом и земледелием, не следует абсолютизировать понятие этого разделения». Добавим от себя, что такая абсолютизация тем более опасна, что основную массу ремесленного населения в древнейших классовых обществах, где бы они не возникали, составляли, по всей видимости, не специалисты высокой квалификации или full-time specialists, как называл их Г. Чайлд, а люди, занимавшиеся всевозможными домашними промыслами в перерывах между работой на полях или выпасом скота, т. е. в сущности полуремесленники-полукрестьяне⁵². Вся эта масса производителей была рассеяна по множеству сельских и домашних (большесемейных) общин и уже в силу своей зависимости от этих общин, а также и в силу привязанности к своим земельным наделам не имела возможности свободно передвигаться и скапливаться в тех или иных местах, если только такому перемещению не подверга-

рода, едва ли могут считаться его противовесом в социальном и экономическом планах. Скорее они были его, так сказать, продолжением и развитием, его хозяйственными «филиалами» или «аванпостами», вынесенными в зону непосредственной производительной деятельности основной массы его населения, или, иначе говоря, звеньями одного пространственного континуума. Не случайно в некоторых странах древнего мира четкая грань между так называемым «городом» и его сельской округой нередко отсутствовала. Одно здесь незаметно переходило в другое. Подвергнутая археологическому изучению, такая система расселения у одних исследователей вызывает впечатление почти полного отсутствия настоящих городских центров, у других же, напротив, впечатление огромных мегалополисов, протянувшихся на многие километры. Так воспринимаются некоторыми авторами, например, «столичные города» древнего Египта: Мемфис и Фивы (*Саваренская*. Ук. соч., с. 12, 18), церемониальные центры древних майя (*Гуляев*. Ук. соч., с. 54 слл.; ср. *Willey G. R.* — In: *City Inevitable*, p. 44 f. — выступление в дискуссии по докладу Эдмса). С другой стороны, некоторые шумерские «города», например Урук, поглощали в процессе своего становления все расположенные в непосредственной близости от них поселения сельского типа, образуя вокруг себя зону «свободной земли», простиравшуюся на 15 км от стен «города» (*Adams. Patterns of Urbanization...*, p. 739, 742 f.; *Adams, Nissen. The Uruk Countryside*, p. 17 ff.; *Redman. Op. cit.*, p. 266 f.; *Дьяконов*. Проблемы вавилонского города..., с. 32).

⁵⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 49 сл.; т. 21, с. 163.

⁵¹ *Дьяконов И. М.* Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. — ВДИ, 1968, № 4, с. 9, прим. 39.

⁵² Разграничить так называемое «домашнее» или «общинное ремесло» и ремесло специализированное, профессиональное как в синхроническом, так и в диахроническом планах — задача не менее трудная, чем проведение четкой демаркационной линии между первым городом и предшествующим ему не-городом. На чисто археологические трудности решения этой проблемы в свое время обратил внимание В. М. Массон (Становление ремесла в свете данных археологии. — В кн.: *Домашние промыслы и ремесло*. Л., 1970, с. 20). Как он указывал в другой своей работе (Ремесленное производство ..., с. 117), о настоящей специализации ремесленного производства и отделения его от сельского хозяйства можно говорить только применительно к периодам развитой и поздней бронзы, т. е. не ранее II тыс. до н. э. О длительном сосуществовании домашнего ремесла с ремеслом специализированным см. *Сайко*. Ук. соч., с. 69 сл.

лись сами общины, в состав которых входили ремесленники этой категории.

Что же касается сравнительно немногочисленных мастеров высокой квалификации, живших в основном за счет своей профессии, то они тоже были сильно ограничены в свободе передвижения, поскольку в подавляющем большинстве находились под контролем и в распоряжении дворцовой или храмовой администрации, которая, скорее всего, и определяла места для их поселения. При этом часть специалистов такого рода могла размещаться в самом дворце или храме или же где-то в непосредственной близости от него, другая же, возможно более многочисленная их часть, расселялась по окрестным городкам или деревням либо попеременно с обитающими там земледельцами, либо в особых «рабочих поселках». Такая система существовала, например, в Угарите, где состоявшие на царской службе специалисты, так сказать, высокого класса получали от дворца в условное держание земельные наделы и селились в тех общинах, где находилась выданная им земля. Так, литейщики меди и бронзы проживали в 12 различных селениях, разбросанных по территории Угаритского государства. В хурритской Аррапхе засвидетельствованы специализированные общины (*димту*) ткачей, гончаров, кузнецов, плотников, торговцев и даже писцов. Такие общины имели землю в коллективной собственности и вели на ней свое хозяйство. Число общин было ограничено: каждая специальность была представлена только одной общиной на всю страну⁵³. Последнее обстоятельство свидетельствует, во-первых, об активном вмешательстве государства в спонтанный процесс развития ремесленной специализации, во-вторых же, о том, что на определенном этапе развития древневосточных и иных подобных им цивилизаций такая специализация отнюдь не обязательно имела своим следствием скопление ремесленников различных профессий в городских центрах⁵⁴.

Итак, мы видим, что в древнейших классовых обществах ремесленники отнюдь не были теми свободно блуждающими индивидами, из скоплений которых в более поздние времена, согласно общепринятым воззрениям, постепенно выросли средневековые европейские города. Очевидно, должен был пройти немалый исторический срок, прежде чем ремесленная прослойка смогла, наконец, выдвинуться на первый план как более или менее самостоятельный и достаточно весомый благодаря своей численности и социальному престижу градообразующий элемент⁵⁵. На ранних этапах урбанизации, падающих на IV—III тыс. до н. э., такая роль ей была еще

⁵³ Янковская Н. В. Децентрализованный сектор экономики в Передней Азии: Дис. на соискание уч. ст. д-ра ист. наук (рукопись). Л., 1981, л. 306 слл., 315, 321.

⁵⁴ Trigger. Op. cit., p. 583.

⁵⁵ Вряд ли можно согласиться с Э. В. Сайко (ук. соч., с. 17), которая, неодобрительно отзываясь об авторах, «акцентирующих внимание на слабости и низком уровне ремесла и торговли в период становления города», пытается парировать их доводы с помощью такого рассуждения: «Известно, что первые города очень часто мало чем отличались по своему виду, объему от деревни. Хозяйства древнейших городов носили полунатуральный характер. Ремесло не всегда занимало в нем по объему основное положение. Более того, сами ремесленники могли располагаться со своими лавками за пределами городов. Однако не объем развивающегося явления, а тенденция и возможность его развития являются определяющими». Но, рассуждая таким образом, можно прийти к выводу, что «первым городом» могла быть палеолитическая охотничья стоянка, так как уже и там были свои специалисты, скажем, по обработке кремня или кости и, следовательно, существовала тенденция к обособлению ремесла от всяких иных видов хозяйственной деятельности. Если сравнивать относительно вяло протекавший процесс ремесленной специализации по степени его воздействия на урбанизацию на наиболее ранних ее этапах с такими факторами, как развитие светской и духовной власти, развитие военного дела одновременно в его оборонительном и насту-

явно не под силу. Отдельные ремесленные мастерские, иногда даже целые их комплексы (так называемые «ремесленные кварталы»), открытые в некоторых достаточно древних поселениях Передней и Средней Азии, например, в Ярм-Тепе (Северный Ирак), Алтын-Депе (Южная Туркмения) и др., упоминания о различных ремесленных профессиях в древнейших клинописных текстах вряд ли могут существенно изменить эту картину, ибо даже и в тех местах, где уровень концентрации ремесленного производства был особенно высоким, сами ремесленники составляли лишь незначительное меньшинство в общей массе по преимуществу земледельческого населения «раннего города»⁵⁶.

Пожалуй, в еще меньшей степени могут претендовать на роль основного градообразующего элемента на ранних этапах урбанизации представители прослойки профессиональных торговцев. В древнейших государствах Двуречья они были преимущественно торговыми агентами крупнейших храмов или зависели от дворцовой администрации⁵⁷, причем упоминания о них встречаются лишь в довольно поздних письменных источниках. Во II тыс. до н. э. во многих городах Передней Азии появляются особые купеческие кварталы — *карум*⁵⁸. Такие кварталы, однако, ни в коем случае не могут считаться структурным ядром древневосточного «города» хотя бы уже по той причине, что, как правило, они возникают намного позже самого «города» в качестве его своеобразных придатков. Нередко они находились вне черты городских стен, вблизи от пристани, где размещались склады товаров. В известном смысле это были самостоятельные социальные организмы, очень слабо связанные с городской общиной. Как указывает Н. Б. Янковская⁵⁹, «возникновение карума (при малоазиатских и сирийских городах. — Ю. А.) ничего не меняло в структуре местного города-государства».

Хорошо известно, какую большую роль играла в становлении средневекового европейского города рыночная торговля. Именно рынок был в ту пору тем интегрирующим, структурообразующим центром, который стягивал к себе первоначально разрозненных свободных ремесленников и торговцев, организуя их в новое социальное единство — город⁶⁰. Однако формула свободного рыночного хозяйства едва ли способна дать вполне адекватное объяснение той экономической ситуации, которая может считаться более или менее характерной для протогородских поселений Передней Азии и сопредельных с нею районов древней ойкумены. В большинстве случаев, как уже было сказано, основным структурным ядром протогорода с самого момента его возникновения был храм, позже уступивший

пательном аспектах, то преимущество, несомненно, окажется на стороне этих последних (ср. статью: Город (б. а.). — СИЭ, т. 4, 1963, с. 546; *Саваренская*. Ук. соч., с. 7 сл.; *Гуляев*. Ук. соч., с. 40).

⁵⁶ Как справедливо указывает И. М. Дьяконов (История древнего Востока, ч. I, с. 129), «город в древности всегда был центром не только и даже не столько ремесла и торговли, сколько сельскохозяйственного производства». Также и В. М. Массон (Первые города..., с. 12; Типология древних городов..., с. 7; Формирование раннеклассового общества..., с. 25) считает, что «генетически наиболее древней» из всех функций «раннего города» была функция «центра земледельческой округи».

⁵⁷ Дьяконов. Проблемы экономики..., с. 9; *Оппенгейм А. Л.* Торговля на Ближнем Востоке в древности. М., 1970, с. 12; *Дандамаев М. А.* Роль тамкара в Вавилонии II и I тыс. до н. э. — В кн.: Древний Восток. Города и торговля (III—I тыс. до н. э.). Ереван, 1973, с. 65.

⁵⁸ *Оппенгейм*. Торговля..., с. 12; Дьяконов. Проблемы вавилонского города..., с. 50.

⁵⁹ Янковская. Ук. соч., л. 42.

⁶⁰ *Еппен*. Op. cit., S. 67, 300; *Пиренн А.* Средневековые города Бельгии. М., 1957, с. 178.

свое место дворцу или же выступавший в комбинации с ним как единый дворцово-храмовый комплекс⁶¹. Вместе с примыкавшими к нему домами жреческой знати и высших сановников государства храм или дворец образовывал внутри основного жилого массива протогорода какое-то подобие аристократического анклава или сэттльмента, занимающего обособленное положение среди домов рядовых общинников. Нередко эта обособленность еще более подчеркивалась посредством возведения особой внутренней стены, превращавшей дворец или храм вместе с группированными вокруг него постройками в настоящую цитадель или город внутри города⁶². Именно здесь, в пределах этого анклава, по преимуществу концентрировалась правящая элита номового государства. Сюда же в кладовые и житницы дворцов и храмов стекалась основная масса производимого на его территории прибавочного продукта, обычно поступающая в виде разного рода податей и повинностей, которыми было обложено окрестное земледельческое и ремесленное население. Здесь же значительная часть этого продукта подвергалась перераспределению или же поступала в обменный фонд для приобретения предметов чужеземного импорта⁶³.

В качестве так называемых «редистрибутивных центров» дворцы и храмы выполняли в древнейших классовых обществах Востока и Запада функции экономической интеграции, отчасти превосходящие рыночные функции позднейших городов⁶⁴. В этом смысле дворцово-храмовый ком-

⁶¹ Хронологическое соотношение храма или дворца с «ранним городом» остается одной из нерешенных урбаноархеологических проблем. Вероятно, в ряде случаев монументальные сооружения такого типа предшествовали протогороду в качестве изолированных ритуально-административных центров, которые существовали в окружении беспорядочно разбросанных по окрестностям земледельческих поселений. В некоторых регионах Старого и Нового Света (Египет, возможно, также Хеттское царство, древнее Перу, государства Майя) системы такого рода не были окончательно изжиты еще и в эпоху расцвета сложившихся здесь древнейших цивилизаций (кроме литературы, указанной в прим. 11; см. *Bray L. B. Land-use, Settlement Patterns and Politic in Prehispanic Middle America: A Review.*— In: *Man, Settlement and Urbanism*, p. 912 ff.; *Березкин Ю. Е. Городские поселения древнего Перу.*— В кн.: *Древние города. Л., 1977, с. 17 сл.*). Однако чаще дворцово-храмовый комплекс, по-видимому, возникал одновременно с протогородом в качестве его интегральной, жизненно важной части.

⁶² *Mumford. Op. cit.*, p. 233; *Оппенгейм. Ук. соч.*, с. 133.

⁶³ Именно дворцово-храмовые комплексы древней Передней Азии и некоторых сопредельных с ней стран (Индия, ахейская Греция, Крит), на наш взгляд, более всего отвечают тому определению города, которое было сравнительно недавно предложено О. Г. Большаковым и В. А. Якобсоном (*Дьяконов И. М., Якобсон В. А. «Номовые государства» «территориальные царства», «полисы» и «империи».*— ВДИ, 1982, № 2, с. 3; *Большаков. Ук. соч.*, с. 10; ср., впрочем, *Childe. The Urban Revolution*, p. 11 f.; *Sjoberg. Op. cit.*, p. 55; *Berger. Op. cit.*, S. 110; *Массон. Алтын-Депе*, с. 120). Согласно этому определению, город представляет собой «населенный пункт, основной функцией которого является концентрация и перераспределение прибавочного продукта». Но в поселениях протогородского типа обе эти функции выполнялись в основном храмом или дворцом. Основная масса населения протогорода, не принадлежавшая к этим двум, по выражению Л. Оппенгейма, «великим организациям», была затронута операциями этого рода лишь в минимальной степени. Ее основным уделом был, вне всякого сомнения, тяжелый физический труд на полях и в ремесленных мастерских. В другие исторические эпохи функции концентрации и перераспределения прибавочного продукта могли выполняться и социальными организациями, весьма далекими от города в собственном значении этого слова, например, феодальными поместьями, армиями во время завоевательных походов, акционерными обществами и т. д. Таким образом, и как универсальное определение города дефиниция Большакова и Якобсона представляется нам методологически не вполне корректной.

⁶⁴ *Polanyi K. On the Comparative Treatment of Economic Institutions in Antiquity with Illustrations from Athens, Mycenae and Alalach.*— In: *City Inevitable*, p. 341 ff.; *Adams. The Evolution of Urban Society*, p. 121 ff.; *Renfrew. Op. cit.*, p. 296; *Berger. Op. cit.*, p. 127.

плекс может считаться воплощением и носителем собственно урбанистического начала в том сложном симбиозе элементов города и деревни, который был основой протогорода в любом из его вариантов. Тем не менее это урбанистическое начало проявлялось здесь в весьма специфических и архаичных формах. Подобно средневековому феодальному поместью или монастырю, дворцово-храмовый комплекс представлял собой в сущности всего лишь одно, хотя достаточно крупное и широко разветвленное хозяйство, паразитировавшее за счет зависимого от него производящего населения. В то время как экономика собственно городского типа всегда базируется на сложном взаимодействии множества самостоятельных хозяйственных единиц, как правило связанных между собой через посредство рынка, в экономической жизни протогорода рыночная торговля, судя по всему, могла играть лишь второстепенную роль, поскольку ее развитие сдерживалось контролем администрации и прямым вмешательством государства в процесс свободного обращения товаров. Как верно заметил В. М. Массон⁶⁵, весьма популярная среди западных исследователей «торговая модель» древневосточной урбанизации «в применении к столь ранним обществам является модернизацией и преувеличением», поскольку «так называемая торговля велась без всеобщего эквивалента и затрагивала лишь ограниченную сферу тогдашних производств, направленных на удовлетворение потребностей зажиточной верхушки общества, а иногда вообще ограничивалась транспортировкой сырья»⁶⁶.

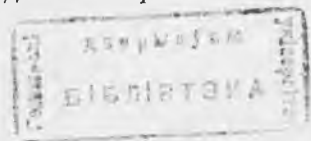
То особое, практически близкое к монопольному положение, которое дворцово-храмовое хозяйство занимало в экономике почти всех известных нам древнейших классовых обществ, с течением времени неизбежно должно было привести к усилению изначально заложенных в нем паразитических тенденций в ущерб выполняемым им общественно полезным функциям интегрирующего характера. Таким образом, дворец или храм постепенно превращался в помеху на пути дальнейшего углубления процесса урбанизации, и перерастание протогорода в настоящий город оказывалось возможным лишь там, где удавалось тем или иным способом ограничить всевластие государственного экономического сектора (такая ситуация сложилась в ряде государств Передней Азии во II—I тыс. до н. э.)⁶⁷, либо там, где этот сектор с самого начала по тем или иным причинам не смог сформироваться, как это было в странах античного мира.

Настоящее обособление города от деревни, т. е. более или менее четкое территориальное размежевание двух основных демографических категорий: населения, постоянно занятого в сфере сельскохозяйственного производства, и населения, стоящего в силу тех или иных причин вне этой сферы, может быть реализовано лишь в условиях вполне развитого, оконча-

⁶⁵ Массон. Алтын-Депе, с. 114.

⁶⁶ Можно, вероятно, согласиться с Л. Мамфордом в том, что в древности «рынок был побочным продуктом» концентрации населения в «городах», а не наоборот: «именно притягательная сила города приводит сюда торговца, который отнюдь не может считаться создателем города» (Mumford. Op. cit., p. 236); см. также Hammond. Op. cit., p. 40 f.; Berger. Op. cit., S. 118, 126; Дьяконов. Проблемы экономики..., с. 21; Янковская Н. Б. Частный кредит в торговле древней Западной Азии III—II тыс. до н. э.— В кн.: Древний Восток. Города и торговля. Ереван, 1973, с. 20. Даже авторы, оспаривающие известный тезис К. Поляни о преобладании «безрыночной торговли» в очагах древнейших цивилизаций Старого Света, признают известную недоразвитость и вторичность рыночного обмена в общей системе сложившихся здесь экономических отношений (Gledhill and Larsen M. The Polanyi Paradigm and a Dynamic Analysis of Archaic States.— In: Theory and explanation in archaeology. N. Y. etc., 1982, p. 204).

⁶⁷ Дьяконов. Проблемы экономики..., с. 21.

тельно порвавшего с традициями родового строя классового общества. В таком обществе свободное или полусвободное крестьянство как особый класс либо вообще исчезает, либо сильно сокращается в численности. Значительная его часть подвергается интенсивной социальной эрозии и деградирует, превращаясь либо в подневольных сельских работников, лишенных собственности, т. е. в рабов или прикрепленных к земле арендаторов, либо в сельский и городской пролетариат. Подневольные сельские работники, как правило, не живут в городе, поскольку все они так или иначе привязаны к земле, которую они обрабатывают. Вероятно, именно по этой причине доля земледельцев в составе городского населения резко сокращается или даже совсем сходит на нет, как это было, по всей видимости, в эллинистических государствах и еще позже в Римской империи. Подавляющее большинство городских жителей теперь составляют люди, не принимающие непосредственного участия в сельскохозяйственном производстве, несмотря на то, что многие из них вплоть до самого конца античной эпохи владели землей и жили за счет получаемой ими в различных видах земельной ренты. Так в самом общем виде можно представить превращение протогорода в собственно город, хотя конкретные пути и формы этой трансформации, несомненно, должны стать предметом специальных эмпирических исследований историков и археологов.

LES FORMES PRÉCOCES DE L'URBANISATION

Ju. V. Andrejev

L'antithèse familière «ville : campagne» ne permet pas d'interprétation adéquate de la dynamique complexe de l'urbanisation à ses premières étapes, lesquelles ont coïncidé, dans les foyers les plus anciens de la civilisation, avec l'âge du bronze, voire partiellement avec le néolithique. L'idée traditionnelle d'une métamorphose graduelle de la campagne en ville sous l'effet de l'ainsi-dite «révolution urbaine» apparaît aujourd'hui comme dépassée, grossièrement simpliste, inadéquate à la suite réelle des événements. Il est plus logique de supposer que la ville a connu une évolution très prolongée avant de devenir ville non seulement de nom, mais aussi de fait. Au cours de cette évolution, qui a duré plusieurs millénaires, il a inévitablement dû apparaître de nombreuses formes intermédiaires ou hybrides d'agglomérations combinant des caractères urbains et des caractères dialectiquement opposés, c'est-à-dire non-urbains.

A l'heure actuelle on peut parler de deux formes hybrides d'agglomérations, bien qu'une étude plus poussée du problème puisse en accroître le nombre. Nous proposons de les désigner sous les noms conventionnels de «quasi-ville» et «protoville». Par quasi-ville nous entendons une agglomération ne possédant que certains des caractères extérieurs d'une localité de type urbain, par exemple une enceinte, des habitats à disposition compacte, des maisons de pierre, parfois à un ou deux étages, des éléments de planification régulière, mais qui ne remplit pratiquement aucune des fonctions propres à une vraie ville et qui n'est en réalité qu'une agglomération rurale présentant une ressemblance morphologique avec la ville. La protoville est une catégorie historique d'un ordre plus élevé, beaucoup plus proche de la ville proprement dite, mais qui ne lui est pas totalement identique. La protoville remplit généralement nombre de fonctions de la ville proprement dite, avant tout celle de centre: économique, politique, religieux, militaire etc. Mais une partie considérable de sa population est constituée par des personnes travaillant directement dans la production agricole.

La séparation entre la ville et la campagne n'est effective qu'en société de classe pleinement constituée qui a définitivement rompu ses attaches avec les traditions de la société clanale primitive, où la paysannerie libre ou à demi libre soit disparaît totalement en tant que classe, soit diminue très fort numériquement, comme ce fut le cas apparemment dans les Etats hellénistiques et, encore plus tard, dans l'Empire romain. C'est alors que prend fin l'urbanisation des pays de l'Antiquité.